

MADE IN USA

ПОД ОСТРЫМ

СБОРНИК

СЕРГЕЙ ЕВЕЛЕВ ©

ПРОЗЫ

СОУСОМ

Сергей Евелев

ПОД ОСТРЫМ СОУСОМ

Сборник прозы

Сергей Евелев много лет работал финансовым консультантом и приобрёл репутацию грамотного и порядочного профессионала. Он вёл на русском канале американского телевидения популярную передачу «Дневник финансиста» и охотно делился своими знаниями и опытом. Но душа Евелева тянула его совсем в другую область — к творчеству. Он начал писать стихи и декламировать их перед самыми разными аудиториями. Потом стал сочинять музыку, создавать музыкальные видеоклипы, писать прозу. Вот так постепенно началась его новая жизнь в совершенно другом качестве. Его стихи, книги, песни и клипы получили известность и в Америке, и в России, и в Израиле. Но Сергей не стоит на месте, а всё время работает, выступает, сочиняет, творит...

Две жизни

Автобиографический очерк

Каждый человек живёт как минимум две жизни: одну — действительную, а вторую — желаемую. И происходит это одновременно. Чем меньше разница между ними, тем более счастливый человек перед нами.

В данном случае скажу, что я — человек счастливый. Вывод этот я сделал, написав биографии каждой из жизней... Писал я их одновременно, то берясь за одну, то перескакивая на другую. Иногда даже путаясь, «где правда чистая суровых будних дней, где вымысел, мечтами вдохновлённый»... Но в какой-то момент я вдруг понял, что они — как две капли воды: похожи и не похожи.

Одна капля, вернее, биография, чиста, как капли из Байкала (когда вода в нём была ещё чистая).

Вторая — солёная; она — из моего родного Чёрного моря, где вода сегодня (судя по тому, что на многие годы исчезнувшая рыба вернулась) снова чистая.

Не бойтесь — попробуйте по капле... А вдруг понравится?

...Я родился в Одессе в приличной интеллигентной еврейской семье. Приличной — это было мнение соседей. Интеллигентной — это моё мнение. А то, что еврейской — это было мнением общественности.

Отец мой был дирижёром, а мама филологом, хотя музыкантом и не была, но музыку знала и любила. Ну и, естественно, что при таком раскладе участь моя была предreshена, и занимался я музыкой с детства.

За окном — начало шестидесятых. А семья была, как вы помните, интеллигентной, в связи с чем (или по каким-то другим, никому не понятным причинам) ни мама, ни папа работы в

городе Одесса найти не могли (хотя мы в это время знали только про безработицу в Америке и других странах бессовестно и нам назло победившего империализма).

Так в самом раннем детстве я оказался в Средней Азии, в Фергане, которая в те годы, по-видимому, очень нуждалась в специалистах, причём особенно остро — в дирижёрах и филологах!

Итак, тогда ещё «ближний» нам Восток...

Из контактов духовных — практически не помню ничего.

Из контактов физиологических — помню плов, который в знак большого уважения хозяин дома руками с грязными чёрными ногтями запихивает в рот гостям, о судьбе которых боюсь даже думать.

Два падения:

в арык с холодной водой, где пролежал минут сорок, пока меня искали. Оттуда, по-видимому, тяга к морским купаниям и плохой вестибулярный аппарат;

и в тандыр — (яма в земле, где пекут лепёшки при очень высокой температуре), откуда тяга к настоящей парной.

Хотя, справедливости ради, надо уточнить, что в тандыр я упасть *пытался*, но был вовремя пойман и извлечён наружу рукой удивительного человека, о котором хочу сказать несколько слов.

Я считаю, что каждый, достигший высот в своём деле, имеет право называться Мастером, и должен пользоваться уважением соплеменников и особыми государственными льготами. Таких людей всегда было и будет мало, наверное, менее одного процента любого населения.

И не важно, кто это: циркач, виртуозно и с лёгкостью выполняющий невероятные трюки под куполом цирка, лётчик, посадивший на воду горящий самолёт, или скрипач, слушая которого забываешь обо всём. Мастерство — оно на то и есть Мастерство! Умом здесь не объять, словами не описать, поэтому остаётся только лицезреть, восхищаться и жалеть себя, любимого, которому это не дано!

Так вот в нашем обычном ферганском дворике жила такая бабушка. И было ей, как мне тогда казалось, лет сто. Теперь я понимаю, что ей могло быть и пятьдесят, и вообще сколько угодно... Когда тебе пять лет, все, кто старше тебя — уже старики, а все, кто старше тридцати пяти... вообще непонятно, как до сих пор живы?

Она пекла лепёшки в том самом тандыре. Делала она это, видимо, давно, и набила руку настолько, что иногда казалась: она спит и работает... (наверное, мечта многих из нас — работать во сне)...

Выходила она на двор с тазом, в котором было тесто.

Доведя тандыр-печку до правильной кондиции, когда все дрова прогорали, и из неё шёл только жар без огня, бабушка отрывала кусок теста, мяла его в руках, превращая в лепёшку, и ловко бросала в тандыр. Фокусов здесь было много. Первый состоял в том, что сырая лепёшка прилипала к стенке тандыра, но только если тесто бросала она. Сколько я ни пробовал бросать, ничего не прилипало, и сырая лепёшка падала на дно, где вскоре и сгорала в углях... Следующий трюк был в том, что она туда набрасывала много лепёшек, и всегда находила свободное место, и одна не касалась другой, почему-то прилипая в точно отведённом для неё месте. Дальше — больше.

Наступал торжественный момент — снимать лепёшку, когда она была уже готова. Во-первых, я никогда не понимал, как это определить. Во-вторых, температура внутри агрегата была очень высокая, можно было продержать в нём руку максимум четверть секунды, и на отдираание горячей лепёшки от горячей стенки времени не оставалось.

Оказалось, когда лепёшка готова, она сама отлипает от стенки и без посторонней

помощи... падает на дно, где её постигает та же участь, что и других несчастных, не доброшенных мною. Но перед тем как «покончить жизнь самосгоранием», лепёшка издавала какой-то ультразвук, видимо говоря: «Я готова, иду падать-сгорать, если только вы не...» — и в этот самый момент, длящийся, я думаю, одну двадцать пятую секунды, бабушка запускала руку в тандыр и вынимала её оттуда уже с готовой лепёшкой. Как она слышала лепёшкин крик о помощи, откуда знала, какая лепёшка уже готова, а какая ещё нет, и потому пока молчит (там ведь их было наклеплено по стенкам много), как успевала каждый раз точно подставить руку в правильное место? Как не обжигала руку при этом? Эти и другие вопросы так навсегда и остались без ответа. Я и до сегодняшнего дня не понимаю, как она это делала...

«Мастерство не пропьёшь!» — как очень точно сказал какой-то древний мастер, пропивший своё мастерство, и я с ним совершенно согласен.

С высоты прожитых лет могу сказать, что отношения у меня с музыкой складывались непростые. Мы с ней все эти годы бегали — то друг *от* друга, то друг за другом. Так иногда складываются отношения у супругов: им и вместе тесно, и порознь неуютно. И не то чтобы мы с музыкой были рождены друг для друга (как в случае с Моцартом, Чайковским и Шостаковичем), но явно какая-то тайная связь между нами была, и как вскоре окажется — осталась.

Итак, мы жили в Фергане. Папа работал дирижёром Ферганского театра оперетты. Соседями нашими была семья Абдуловых. Да-да, тех самых. Но тогда я ещё не знал, что Саша станет знаменитым артистом, и с ним просто дружил.

Мы гоняли по лужам, бросали камни в окна, дрались, соревновались, кто скорее «настучит» на другого — в общем, занимались тем, чем занимаются дети и что должно было пригодиться нам уже потом, во взрослой жизни. Кстати, многие детские навыки вполне даже остаются с некоторыми товарищами на всю жизнь, особенно — бить окна и стучать на соседа. Но никакого идолопоклонничества между нами не наблюдалось (поди знай), и поэтому я у него автографа не взял (вот бы была реликвия — автограф Абдулова в возрасте семи лет!). В свою очередь, они не знали, что я окажусь в Америке, и тоже не записали адресок на всякий случай. Вообще-то теперь, по прошествии множества лет, я понимаю, что дружбу если и можно свести, то только в юности. Если тебе повезло, и ты нашёл друга, то есть шанс пройти с ним рядом всю жизнь. Тем же, у кого в юности по какой-то причине не получилось, шансов найти друга или даже друзей в зрелом возрасте намного меньше. Не поймите меня превратно, найти приятелей — это запросто. Друзей — трудно. Здесь, наверное, для ясности нужно дать определение и тем, и другим. Приятели — это такие товарищи, с которыми можно ходить в баню, ездить на рыбалку, посещать развлекательные заведения с девушками на выбор, пить пиво и рассказывать скабрёзные анекдоты, т. е. культурно отдыхать.

Друзья же — это те, кто всегда незримо идут по жизни рядом с тобой и появляются, когда нужно. Вы как братья-близнецы: и понимаете друг друга с полуслова, и заинтересованы в том, чтобы другому было хорошо, весело, сытно и счастливо. Просто знания того, что этот человек где-то есть, уже достаточно, и от знания этого спокойней, что ли, на душе. Вы, если и завидуете друг другу, то не до скрежета зубового и бессонных ночей (потому что у него *есть*, а у меня — *нет*), а так, по-дружески радуясь за него, когда у него всё в порядке... Поплакаться в дуэте с товарищем может каждый (сочувствуя его горю, сопереживая его неудачам), а вот порадоваться, что он выиграл двести восемьдесят шесть миллионов, может только самый настоящий друг. Хотя, скорей всего, этому и радоваться-то нелегко... даже если ты друг... особенно когда *понимаешь*, что, конечно, правильной было бы, если

выигравшим оказался бы не он, а, например, ты... но это уже совсем другая история. Забегая вперёд, скажу, что с друзьями у меня как-то не очень получалось. Один был, но в третьем классе его семья уехала в Америку. Другой с родителями уехал в Германию, папа у него был военным... и след их затерялся.

Ну, пожалуй, вернёмся к театру музыкальных комедий, где я и рос. В очень юном возрасте я уже знал наизусть все спектакли и пел их вместе с певцами, иногда подсказывая им слова из папиной оркестровой ямы, причём совершенно безвозмездно, что, как я сейчас понимаю, было непростительной расточительностью. Я там мог запросто, собирая даже по одной копейке с актёра за подсказку одной фразы, скопить на «Жигули», которые купил бы, когда вырос. А если бы все эти деньги сложить и вложить тогда по курсу в самый что ни на есть *завалиющийся* швейцарский банк... это ведь жуткие деньги бы собрались!

Особенно я любил проводить время в гримёрках, где переодевались и гримировались женщины. Что-то было в этом магическое, необъяснимое. Видеть, как перед твоими глазами чья-то мама, которая полчаса назад стирала бельё, готовила борщ и мыла пол, постепенно превращается в королеву или, наоборот, даже бабу-Ягу — это не каждому довелось...

Не подумайте, что я намеренно избегал мужских гримёрок, но по причинам, до сих пор мною до конца не понятным, меня тянуло именно в женские. Кстати, чудо этого превращения женщин я люблю наблюдать и до сих пор, но меня как-то не очень допускают... а зря. Я бы, может, чего ценного подсказал, подсмотрев, что они там делают.

Вообще я думаю, что в подсматривании главная сладость не в том, что ты видишь (что тоже бывает приятно и иногда даже полезно), а в двух других составляющих, о которых я как-то раньше не задумывался. Во-первых, это — дело запретное, а запретное всегда имеет острый вкус и сногшибательный запах. Но главное — то, что подсматриваемый не знает об этом, так как он, или чаще она, разрешения тебе на подсматривание никакого не давала. И это наделяет тебя невероятной властью, силой, делает владельцем ситуации, королём, богом, в конце концов, пусть даже на пять минут. Это иногда превращается в болезнь — именно по причине ощущения власти и вседозволенности, которых многим из нас не хватает.

Естественно, что там, в Фергане, за пять лет со мной случались всякие истории, которые наверняка случаются со всеми детьми, проводящими много времени на улице... Очень жаль, что многие из современных детей такого «общения с жизнью» лишены. Думаю, что эту школу жизни ничем не заменишь, ни компьютером, ни книгами, ни даже репетиторами или заграничными гувернантками. То было живое, настоящее и зачастую болезненное прикосновение к природе, к людям, в их, если хотите, сыром или первозданном виде. Это когда все чувства нараспашку: что думаю — то и скажу; что хочу — то и сделаю в надежде, что не поймут. Это та самая беспощадная реальность, рядом с которой придётся идти всю жизнь, и чем раньше с ней встретишься, познакомишься и будешь ею бит — тем лучше. Сегодняшних детей, мне кажется, слишком сильно опекают, кутают, оберегая от жизни. И выходят они со знаниями прикладными из институтов престижных, с долгами за учёбу и полным отсутствием знания жизни и понимания того, как к ней приспособиваться и куда знания эти прикладные приложить.

А у кого же ещё учиться жизни, кроме как у неё самой? И ошибаться, и падать, и быть обманутым не раз. И вставать, и опять падать, и быть преданным, и ненавидеть, и мстить, и быть битым опять и опять?...

Ну, ладно об этом. Возвращаемся к приключениям маленького мальчика родом из Одессы, волею судьбы занесённого в детстве в Фергану, где, как я уже говорил, с ним всякое разное случалось...

Как-то мне в волосы вцепилась летучая мышь, и папа её от меня долго отрывал, причём вместе с волосами. Я кричал. Долго и пронзительно. Но мыши мой вопль, судя по всему, не мешал. Хотя, возможно, она меня с какой-то крупной дичью перепутала, и от моего нечеловеческого вопля у неё хватательный аппарат и заклинило. Несовершенный, видать, у неё хватательный был аппарат. А ещё говорят — природа, естественный отбор, лучшие гены... Что там у неё с генами? Напортачила природа или товарищи горе-генетики?

Все соседи стояли вокруг папы и советовали (Страна Советов — помните?).

— Гриша, — говорил один (Гришей звали папу), — ты ей закрой глаза. Ей станет темно, она подумает, что уже ночь, и полетит охотиться!

— Гриша, ты попробуй ей поджечь крылья — ей станет жарко, она испугается и улетит (без крыльев, что ли?), — советовал другой.

— Гриша, ты ей в ухо громко крикни, у них, говорят, очень тонкий слух, — она оглохнет, испугается и улетит (видимо, к врачу «ухо-горло-носу»), — и ещё много разного в том же духе.

Со временем летучей мыши, видимо, дурацкие советы надоели, и она, отрегулировав хватательную функцию, отпустила меня и улетела домой (чтобы рассказать невероятную историю о том, как застряла в человеческой голове), не убитая, не оглохшая и не сгоревшая... а я, слава Богу, остался.

Или ещё, помню, жила у нас немецкая овчарка по кличке Инга. Она была тренированная и огромная, а я был маленьким и иногда ездил на ней в магазин верхом, как на лошади. Она шла спокойно, а я гордо, как маленький джигит, сидел на ней и держался за ошейник. Но однажды где-то что-то загорелось, и мимо нас с воем промчалась пожарная машина. Инга, хотя в пожарах разбиралась плохо, но сразу поняла, что без неё не обойдутся. Она очень правильно среагировала на пожарную сирену — и тоже поспешила на пожар.

Я некоторое время, отчаянно вцепившись в ошейник, ещё держался в седле, но мой скакун нёсся всё быстрее и быстрее. С цирковой сноровкой у меня тогда ещё не задалось, и я упал из седла. Это, наверное, было бы для меня лучшим решением — свалиться. Но решал не я, а, видимо, судьба. Поэтому, по её велению или по стечению обстоятельств, я вывалился частично. То есть с «коня»-то я упал, но рука моя застряла в ошейнике.

Итак, «картина маслом» выглядела следующим образом (записано со слов свидетелей): собака бежит по дороге вслед за пожарной машиной и лает на неё. За собакой волочится ребёнок, держась рукой за ошейник. Правда, это рассказывать долго, а произошло всё, по-видимому, очень быстро, и я от собаки, в конце концов, отвалился — то ли ошейник порвался (что вряд ли), то ли просто рука выскользнула.

Детали помню плохо. Очнулся я — лежу на земле, и Инга усиленно лижет меня, видимо, зализывая свою вину. Собака, а понимает! Глаза у неё расстроенные. Понятное дело: из-за меня не попала на пожар, и там всё теперь сгорит без неё...

Побился я прилично, пока меня тащило и дубасило всем не окрепшим ещё организмом об дорогу.

Слава Богу, дорога была не очень асфальтированная, и мои ранения были хотя и множественными, но не смертельными.

Потом, после доставки домой, я был дополнительно бит мамой (не знаю точно, за что — скорее всего, за то, что напугал собаку и пожарных), потом пришедшим с работы папой (видимо, за то, за что был недобит мамой), и только потом меня жалели-лечили-мазали йодом, кормили сладким — в общем, использовали весь набор ингредиентов для скорейшего выздоровления пострадавших детей, потёртых собаками об землю и незаслуженно побитых собственными родителями, чтобы как-то сгладить впечатление от случившегося.

Конечно же, там было ещё много разных историй, но, во-первых, всего не упомнишь, а во-вторых, не будем географически заикливаться и двинемся дальше. Хотя вот ещё последнее ферганское воспоминание: к нам в квартиру без предупреждения и без стука входит мой друг Рустам, а я в это время стою в центре комнаты со спущенными до пола штанишками и, видимо, ещё и трусишками. Напротив меня стоит моя подружка по имени Малахатка (не шучу!) с задранным платьем и тоже спущенными до пола трусиками. Мы, видимо, что-то друг другу демонстрировали (говорят, что это все в детстве делают). Рустам от увиденного онемел. Общая пауза секунды на две-три, потом он убегает с криком: «Мама, мама, а они друг другу пьськи показывают!» Девочка (мгновенно одевшись) убегает с другим криком: «Ничего мы друг другу не показывали!», а я, видимо, ещё под впечатлением от увиденного, стою всё в той же позе, постепенно возвращаясь в беспощадную реальность. Потом я возвратил себе статус-кво и на древней книге поклялся убить Рустама за то, что он мне всё свидание испортил. А у меня, может быть, на этот вечер были далеко идущие планы... Нам всем тогда было лет по пять.

После возвращения из Средней Азии началась эпопея под названием «Одесская средняя школа номер 117».

Школа была большая, красивая и, видимо, престижная. А я должен был, вообще-то, идти совсем в другую школу согласно району проживания, но где-то что-то подкрутили или кого-то подмазали, и меня взяли, куда надо было. Всё это делалось для того, чтобы я попал в класс к Людмиле Семёновне Зильбертер. Она была потрясающая учительница. Всё знала, слышала каждый *пипс* и всё видела, даже спиной. Всех помнила по именам и фамилиям (а нас было человек сорок пять юных бандитов и бандиток), и ещё она умела страшно сверкать глазами, если сердилась. Мы этого ужасно боялись и не только старались сидеть тихо, но от страха ещё и домашнее задание выполняли фанатично.

Однажды мне был преподнесён урок, смысл которого до меня дошёл спустя много-много лет. Но тогда, я помню, так перепугался, что несколько дней меня трясло от страха. Была перемена, на которой мы все шли в буфет, где нам выдавали булочку и стакан молока. Ну вот, сидим мы тихо-интеллигентно, едим свой полдник, никого не трогаем, и тут к нам, как всегда, абсолютно беззвучно (я думаю, что она окончила местную разведшколу для пожилых агентов, где и научилась всем своим штучкам-дрючкам) подходит всеми нами ужасно любимая классная руководительница, та самая Людмила Семёновна. А я её, естественно, не видел, так как она подкралась сзади. Я же именно в этот момент рассказывал что-то смешное, причём, видимо, именно о ней, передразнивая её манеру говорить. В какой-то момент я заметил в глазах моих слушателей ужас, смешанный с кошмаром и умноженный на «караул!». Кто ещё помнит, в десятилетнем возрасте любопытство было самой главной частью тела и жизни — и я повернул голову.

На меня беззвучно и как-то яростно (как мне казалось) в упор смотрели её сверлящие глаза разведчицы, и я... испугался. «Всё! — подумал я, — выгонят из школы, куда меня с таким трудом впихнули вопреки району проживания. Выдадут мне «волчий билет» (что мне часто пророчила бабушка, хотя я точно не знал, что это за билет такой и кто меня с ним посчитает волком), и останусь я неучем и дураком на всю жизнь (это уже мамины наставления)».

И тут я, от страха или от неожиданности, или уж не знаю сам, от чего ещё, вдруг прыснул... и весь этот коктейль из молока и булочки мгновенно перекочевал из моего рта на лицо и платье Людмилы Семёновны. А она всегда была такая нарядная, красивая, причёсанная, чисто и строго одетая... Видимо, школа для неё была настоящим праздником (для нас, кстати, тоже, что я совсем недавно понял, хотя сейчас с этим пониманием уже ничего и не сделать).

Это был кошмар... И я подумал, что сейчас умру от ужаса — быстро, но мучительно, без суда, следствия, прокурора и приговора. Начитавшись всяких мушкетёров и королей Марго, я буквально чувствовал, как над моей головой палач заносит меч, и этот характерный свистящий звук означал, что самая нужная из всех голов — моя — сейчас отделится от тела и с глухим звуком покатится по ступенькам в толпу, всё ещё обезумевшую от страшного зрелища... но она, Людмила Семёновна, гениальная учительница, не сказав ни слова, повернулась и ушла.

На следующий урок нам дали замену. Но потом она появилась вновь, уже приведя себя в порядок, переодевшись... и о случившемся ничего не сказала.

Я только спустя много лет, прокручивая в памяти этот случай, понял, кем была она и многие другие люди, с которыми столкнула меня судьба, какую важную роль каждый из них сыграл в моей жизни, как многому я у них научился...

Я думаю, что формируют нас те, кто рядом с нами первые годы нашей жизни. И мы обращаем внимание на поступки их гораздо больше, чем на то, что они говорят. И попытки перевоспитать любого из нас в более позднем возрасте обречены на провал. Всё, что можно и нужно было, уже и сказано, и сделано. А дальше этот человеко-коктейль или винегрет лишь только пополняется новыми ингредиентами и специями. Это, без сомнения, вносит новый вкус, оттеняя одно и выпячивая другое, но по сути дела блюдо не меняет. Может быть, только крепчает замес с годами да уменьшается отрезок времени, необходимый для того, чтобы маску сменить с папы на сына, с сына на любовника, с любовника на преподавателя, а с того — на просителя-начальника, организатора, лизоблюда, прилипалы, садиста... ну, и на многие другие, весьма в жизни распространённые персонажи. Это я в детстве думал, что они все — люди разные. А потом, повзрослев чуток, понял, что иногда это один и тот же субъект, в разных ипостасях выступающий и маски меняющий соответственно ситуации. Просто одни это делают быстро и виртуозно, а другие медленно, всем заметно и очень топорно. Особенно это у политиков заметно.

А в пятом классе я неожиданно для себя узнал, что я еврей и что это не очень хорошо. Как-то у нас пропал классный журнал, а потом, через несколько дней, опять появился. Дирекция долго его изучала на предмет исправленных оценок, но так ничего и не обнаружила. Или сработали здорово, или не для того брали.

А в журнале, наряду с именами и оценками, кто ещё помнит, были прописаны родители и... национальность. (Зачем только? Может, чтобы знать, кого бить?). Хороших национальностей в те годы было много: русский, украинец, белорус, узбек и друг степей — калмык (кто-нибудь когда-нибудь видел живого калмыка в степях?). А вот плохая была одна. Она называлась — еврей. Причём если остановить людей тогда на улице любого города и спросить: «Почему плохо быть евреем?», не знаю, что бы они такое могли ответить. Потому что среди них много умных? Серьёзных? Талантливых? Трудолюбивых? Потому, что им нужно было быть на голову выше других, так как их гнали, не брали, не пускали, затирали, били, не любили (или я уже об этом говорил?).

Эпизод с пропажей журнала вскоре забылся. И вот в один прекрасный день ко мне подошёл ученик параллельного «Б» класса, который потом стал профессиональным бандитом (поговаривали, что даже профессиональным убийцей), и так, безо всяких затей, сказал: «А я всегда знал, что ты ЖИД», — и ударил меня в лицо кирпичом. То ли он сам журнал утащил, то ли сделал перепись евреев, одолжив его у грабителя на денёк — не знаю. Предполагаю, что у него был запас кирпичей и список тех, на ком он крепость кирпичей этих собирался проверять. Тренироваться для будущей карьеры на ком-то ведь надо было? А тут мы — как раз рядом и тогда ещё в большом количестве. Плюс то тут, то там говорили, то ли